

МАША
МОРАН

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию
ТЕМНЫЕ МИРЫ МАШИ МОРАН

Отбор для Короля волков

Постучи в мою дверь. Отмеченная демоном

Постучи в мою дверь. Шепот демона

—x—
МАША
МОРАН

ПОСТУЧИ
В МОЮ
ДВЕРЬ

ШЕПОТ ДЕМОНА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М79

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ирина Косулина*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Моран, Маша.

М79 Постучи в мою дверь. Шепот демона : [роман] / Маша Моран. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Темные миры Маши Моран).

ISBN 978-5-17-147995-4

Иногда желания имеют силу. Но мечтать нужно осторожно — кто знает, как повернется жизнь. Олеся пожелала, чтобы любовь постучала в дверь. Мир услышал ее просьбу, и... она умерла.

Крампус уже близко. Его шепот пробирается в кровь, затрагивая душу, вонзаясь в кости, выворачивая наизнанку. Он идет за Олесей, ведь та предначертана ему и обязана последовать за ним в преисподнюю, испив демоническую кровь. Ее крики, боль и ужас лишь веселят его, всемогущего и бессмертного.

И лишь один мужчина может рискнуть вырвать Олеся из его окровавленных лап.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147995-4

© М. Моран, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Олеся проснулась от неторопливых колючих поцелуев и вкусного шоколадного дыхания.

С трудом разлепив веки, она встретилась со взглядом Габора. Он улыбался, но глаза внимательно следили за ней.

Охрипшим ото сна голосом Олеся ласково прошептала:

— С добрым утром.

Он не улыбнулся. Продолжал пристально на нее смотреть, вычерчивая на обнаженных плечах узоры.

Олеся встревожилась:

— Габор... Все в порядке? Что-то случилось?

— Ты не жалеешь о вчерашнем?

От его вопроса по коже прошел озноб. Неужели он считает ночь ошибкой? Действие масел закончилось, и теперь она не кажется ему привлекательной и не вызывает желания?

К глазам подступили слезы. Утро было таким прекрасным и нежным. Тело ощущалось и уставшим, и отдохнувшим. В натруженных мышцах чувствовалась боль, смешавшаяся с блаженством.

Такой контраст расслабленной усталости и льда на душе оказался самым страшным и мучительным, что она испытывала.

Прекрасная сказка закончилась. Он все-таки причинил ей боль. Поигрался с сердцем и выбросил.

— О-ле-ся... — Габор буквально прорычал ее имя, тряхнул за плечи, заставляя смотреть в глаза. — Если ты думала, что мы играем, то я не шутил. Ты моя. Я не отпущу тебя ни в твой глупый мир, ни куда-то еще. Ты навсегда принадлежишь мне. Либо по-хорошему, либо по-плохому. Зависит от тебя.

Господи, кажется, он не собирается от нее отказываться. И воспринимает вчерашнюю ночь всерьез.

Олеся не знала, сколько еще так выдержит. С Габором ее эмоции швыряло туда-сюда, как детские качели.

В спальне было сумрачно, но сквозь щель между тяжелыми портьерами пробивалась полоска холодного утреннего света. В этом сумраке на лицо Габора падали тени, и он казался еще более суровым, чем обычно.

Олеся прижала ладони к его груди, наслаждаясь ощущением мягкой поросли волос.

Наверное, она злоупотребила с маслами, потому что вновь ощущала себя распушенной и развратной, готовой на все.

— А что будет, если я захочу по-плохому?

Габор шумно выдохнул и тряхнул головой:

— Не шути так.

— Я не шучу.

Он откинулся на подушки и притянул Олеся, усаживая спиной к себе. Между лопаток чувствовалось его горячее дыхание. А в ягодицы упирался твердый член.

— Ты смотрела так, словно до слез жалеешь о вчерашнем.

— Я не жалею о вчерашнем. Ни о чем. Но ты зачем-то спросил у меня об этом, и я подумала...

Он зажал ей рот ладонью. Просто бесцеремонно прижал руку к губам и прикусил кожу на шее. Олеся задрожала, и выдохнула в его мозолистую ладонь.

Рука скользнула ниже, оставляя губы и обхватывая грудь. Олеся не смогла сдержать стона блаженства. Когда Габор зажал между пальцев набухший сосок, она тихонько вскрикнула. Как же хорошо... Невероятно... По всему телу разливались ручейки наслаждения.

Габор сжимал и оттягивал сосок, безошибочно угадывая, что ей нужно. Олеся откинула голову на его плечо и бездумно смотрела в потолок. Вцепилась пальцами в его бедра, покрытые короткими волосками и шумно дышала.

Он просунул ладонь между их телами, обхватил член рукой и направил в ее тело. Олеся могла лишь мотать головой по его плечу и груди, сходя с ума от невероятных ощущений. Га-

бор продолжал пощипывать то один сосок, то другой, опалая ее кожу жаром ладоней.

Захватив зубами мочку ее уха, тихо приказал:

— Приподнимись.

Олеся послушно подняла бедра, чувствуя, как о нежные складочки трется жесткая плоть. Она начала осторожно опускаться на твердый член, пытаясь подстроиться под немалый размер Габора.

Головка уже привычно растянула влагалище, ныряя внутрь. Олеся застонала от опалившего гладкие стеночки жара, непроизвольно сжала мышцы. Габор ответил протяжным хрипом, резко входя в нее до основания.

Олеся начала плавно двигаться, плаваясь под ладонями Габора. Он нежно и чувственно гладил ее тело, словно не мог оторваться ни на секунду. Его руки блуждали по плечам, животу, дразнили грудь, как бы невзначай задевая отвердевшие соски. Олеся громко стонала, когда не получала желаемого.

В какой-то момент она не выдержала, схватила Габора за руки и прижала к налившейся тяжестью груди.

От его мягкого смешка живот задрожал в предвкушении.

Большими пальцами он потерябил камешки сосков и горячо шепнул:

— Сейчас ничего не будет... Придется тебе подождать...

Его руки неумолимо сдвинулись вниз, пальцы пощекотали пупок, перемещаясь к промежности.

Олеся обернулась и мстительно простонала:

— Если ты не будешь трогать мою грудь, то я не буду двигаться...

Она приподнялась на коленях, выпуская его член из плена тела. Внутри осталась лишь набухшая головка. Олеся напрыглась и сжала ее внутренними мышцами. На лице сама собой возникла довольная улыбка, когда она услышала ответный стон Габора.

Пальцы Габора впились в ее бедра. Низким чужим голосом он угрожающе прохрипел:

— Тебе необязательно двигаться... Женщины рода Баттьяни могут ничего не делать. Мужчины все сделают сами.

Олеся даже не успела сообразить, что ответить на такое заявление. Габор прижал ее к себе и уложил на живот, навалившись сверху.

Она вскрикнула, когда почувствовала грубый беспощадный толчок. Габор припечатал ее к кровати своим весом и начал жестко двигаться, превращая утренний ленивый секс в горячее сражение.

Олеся стонала, сминая пальцами покрывало. Каждый толчок Габора приносил ощущение сумасшедшего вихря. Все ее тело дрожало от спазмов. Низ живота пульсировал. Ей нравилось ощущать его горячее дыхание на шее и затылке. Нравилось, когда он откидывал волосы с мокрой спины и целовал ее лопатки. Нравилось прикосновение твердой ладони к животу.

Он все делал идеально. Так, что у нее кружилась голова и пропадала способность соображать. Он проникал так глубоко, что Олеся чувствовала себя насаженной на здоровенный кол. Еще чуть-чуть, и он просто разорвет ее на части. Но этого не происходило. Тело подстраивалось под его жесткие толчки. Влагалище растягивалось, на грани, едва-едва, но достаточно, чтобы он уверенно скользил в ней. Узкие стеночки обхватывали горячий бархатистый ствол, мышцы сокращались, пытались удержать его внутри.

Движения Габора стали резче и сильнее. Он ударялся о нее с такой силой, что попка дрожала, а в груди перехватывало дыхание. Олеся начала вскрикивать, подходя все ближе к грани.

Наверное, Габор сумел каким-то образом почувствовать это. Просунул руку между кроватью и ее животом, накрыл ладонью лобок и собственническим жестом сжал. Олеся повернула голову, стараясь разглядеть его лицо.

Она еще никогда не видела его таким. Сосредоточенным, суровым. Даже злым. Брови сведены в одну линию, а зубы сжаты. Он тяжело и шумно дышал, блуждая взглядом по ее плечам, спине и затылку.

Неожиданно мужские пальцы пришли в движение. Развели нижние губки и нашли клитор. Олеся не смогла сдержать череду бессвязных всхлипов, когда он принялся натирать чувствительный бугорок плоти.

В теле начали вспыхивать и извергаться вулканы. Нутро затопило лавой. Движения Габора стали быстрее. Он сбился с ритма, просто рвано долбясь в ее тело. Палец на клиторе увеличил темп, и Олеся сорвалась в пропасть.

Громко закричала от болезненно острого наслаждения, прошившего все тело.

Она дрожала и дергалась от сладких судорог, сжимая член Габора изо всех сил. Ее затопила горячая волна, когда он в последний раз ворвался в нее и с громким ревом кончил. Спиной Олеся ощущала бешеное сотрясение его тела. Их влажная кожа терлась друг о дружку, запахи тел смешивались, становясь единым целым. Напряжение такое, что до боли. Даже дышать тяжело. А перед глазами вспыхивают и гаснут яркие огни. Олеся без сил уронила голову на покрывало. Габор упал сверху, прижимая ее к кровати и лишая последних крупиц воздуха.

Но Олеся не желала выбираться из-под его тяжести. Казалось, что вдох, сделанный без него, не принесет ей ничего. Габор чуть сдвинулся, поворачиваясь к ней лицом. Он все еще был внутри нее, и каждое его движение отдавалось внутри Олеси невозможно сладким чувством.

Габор провел пальцем по ее приоткрытым губам, погладил щеки.

— Хочу просыпаться так каждое утро.

Олеся обессиленно улыбнулась. Она не могла даже пошевелиться. С трудом приподнявшись на локтях, она заглянула в его все еще серьезные глаза:

— Наверняка ты уже просыпался так... с другими...

Он посуровел еще больше:

— В нашей постели не будет других. И ты первая женщина, с которой я спал. В смысле... именно спал. Всю ночь. И первая, с кем я проснулся.

Он замолчал, продолжая въедаться в нее тяжелым взглядом. Олеся даже представить не могла, каких усилий ему стоило сделать это признание.

Она прижалась к Габору и довольно потерлась о его тело.

— Знаешь... Я поняла, что ничто не может длиться вечно. И я утешаю себя тем, что... — Олеся провела пальцем линию

через лоб, нос и губы Габора, деля его лицо пополам. — ...что смогу вспоминать эти моменты, когда все закончится.

Габор резко поднялся с кровати:

— Какого демона, Олеся? Почему ты постоянно твердишь, что все закончится?!

Потрясающе обнаженный он метался по спальне, разыскивая свои вещи. Олеся села, бездумно глядя на свою порванную одежду. Не свою — поправила себя. У нее здесь нет ничего.

Да что же с ней такое?! Почему никак не может отделаться от мысли, что все это недолговечно? Дурацкие сомнения оказываются сильнее такого хрупкого счастья.

На несколько минут Габор пропадает в купальне, а когда возвращается, то уже полностью одет. На нем вчерашняя окровавленная одежда. О бедро бьются ножны с саблей. И Олесю вдруг пронзает странная неожиданная мысль.

Этот звук... равномерный стук оружия кажется таким родным и близким. Привычным. Как будто тысячу лет подряд она просыпалась и слышала именно его. Словно это и есть ее настоящая жизнь. Ее настоящее место.

Какая же она дура. Глупая трусиха. За свое счастье нужно бороться. А она всеми силами отталкивает его. Ну и что, что может наступить ужасный момент, когда она станет ему не нужна? Сейчас-то она счастлива! Сейчас у нее есть самый потрясающий мужчина из всех миров.

А она... Дура-дура-дура! Идиотка!

— Я распоряджусь, чтобы тебе подали завтрак сюда. — Голос Габора звучал холодно и отстраненно. Заметив, куда направлен ее взгляд, он сдержанно добавил: — И попрошу Адрианну передать тебе еще одежды до приезда портнихи.

Он развернулся и направился к выходу, унося с собой тепло и воздух. Олеся начала спешно выбираться из кровати. Нет! Она не даст ему так просто уйти. Она совершила ошибку и намерена ее исправить.

Чертово покрывало никак не желало следовать за ней, и Олеся попросту его откинула. Старая не думать о своей наготе, она побежала за Габором.

— Постой!

Не оборачиваясь, он замер у дверей. Олеся догнала его и прижалась к широкой спине. Обвила руками талию, впечатываясь в его тело через ткань.

— Прости меня...

Он стоял неподвижно, убивая ее своей холодностью и безразличным равнодушием. Олеся встала перед ним, заглядывая в ледяные глаза. Там бушевала вьюга. Убийственный буран, который мог уничтожить все на своем пути.

— Я не могу не сомневаться, как же ты не поймешь?! — Она стукнула кулаком по плечу Габора.

Он оставался неподвижен. На лице не дрогнул ни один мускул. И на этот раз от него повеяло холодом. Ощутимой арктической стужей, от которой кожа покрылась мурашками.

И его голос, когда он заговорил, был чужим. Равнодушный господарь вернулся.

— Если бы ты сказала мне, что я должен сделать, чтобы ты перестала сомневаться, было бы легче. — Он чуть наклонился к ней, проникая замораживающим взглядом прямо в душу: — Я могу дать тебе все. Но ты сама не знаешь, что тебе нужно.

Обойдя ее как досадное препятствие, Габор вышел из спальни и уже привычно запер дверь на ключ. Олеся не удержалась и несколько раз пнула дверь ногой. Но добилась лишь того, что к душевной боли прибавилась еще и физическая.

Она опять все испортила. Растоптала крошечные зарождающиеся ростки счастья. Чудесная, полная страсти и порока ночь, сладкое утро и... ее мерзкие сомнения, поднявшие голову тогда, когда все было идеально.

Олеся прижалась лбом к холодной каменной кладке стены и вдохнула уже почти родной запах пыли. Ей не просто был дан второй шанс. Она получила новую жизнь и возможность исполнить все свои заветные мечты. Любящий сильный мужчина, защитник. Он был готов взять на себя ответственность за нее. Он и взял! Для него это не было обузой или необходимостью. Это было чем-то самым собой разумеющимся, с чем он сросся так крепко, что считал нормой. Разве не такого мужчину она всегда хотела?

Так вот же он! Был так близко. А она не удержала. Сама прогнала. От досады хотелось по-волчьи взвыть. Но как быть со страхами, которые ее мучили? С сомнениями? Она не знала, как побороть их. Довериться Габору было так просто. Но она не могла не ждать того, что однажды все закончится. Она ему наскучит. Постепенно станет раздражать. Он просто устанет объяснять ей очевидные для его мира вещи. Одно дело возиться с ребенком. Другое — со взрослой женщиной.

И как бы она ни готовилась к этому, конец все равно придет неожиданно. Однажды он просто посмотрит на нее и не поймет, что находил в ней прежде.

Олеся закуталась в покрывало и тяжело осела на пол возле кровати. Босым ногам было холодно, из глаз потекли слезы, а душу разрывали на куски невидимые звери.

Она так хотела этого счастья. До последнего вздоха ждала и надеялась, что встретит мужчину из мечты. Буквально — до последнего вздоха!

Воспоминания о ночи и аварии зажглись в голове яркими вспышками. Она так отчаянно загадывала желание о мужчине, с которым сможет быть счастлива, что готова была поверить и в новогодние чудеса, и даже в Деда Мороза.

Неужели, ее желание исполнилось, а она теперь так глупо отвергает этот дар? Знать бы наверняка, что Габор именно тот мужчина...

Стоп! Олеся отерла слезы и глубоко вздохнула. А не слишком ли много она хочет? Она могла быть мертва уже несколько дней. Вместо этого на ней лишь пара шрамов от ударов кнутом. Ей предстояло встречать одинокий унылый Новый год в пустой холодной квартире. Взамен — огромная, почти сказочная, крепость. В прежнем мире она бы провела пару дней, рыдая над черно-белыми фильмами и наматывая сопли на кулак из-за измены Андрея. Но получила сумасшедшую ночь и мужчину, о котором даже не осмеливалась мечтать. А если и позволяла себе представить такого, так все равно понимала, что он — лишь сказка. Выдумка. Фантазия.

Она получила новую жизнь. Новый шанс. Свою собственную сказку. Мужчину. Зная ее лишь несколько дней, он уже соби-

рался сделать ее своей женой. А ведь он наверняка должен был выбрать девушку равную по положению. Наверняка богатую. Хорошо воспитанную. Невинную. И уж точно осознающую, какой подарок судьбы ей выпал.

Олеся перевела взгляд на камин. Хватит разводить нюни. Ей надоело быть сопливой овцой. Она уже начинала ненавидеть себя за минуту слабости. Она получила новогодний подарок. Просто он не в коробке и не обернут яркой бумагой.

Если ей нужно грызть землю, то она будет ее, черт возьми, грызть! Габор именно тот мужчина, который ей нужен. Которого она всегда хотела. Андрей ему и в подметки не годился. А она так глупо его оттолкнула.

Ничего. Все еще можно исправить. Наверняка можно. Она способна растопить тот холод, который он на нее наслал своим равнодушием. Нужно только отыскать его...

Олеся поняла, что до сих пор смотрит на камин. Пусть Габор ее запер, но, чтобы выйти из комнаты, ей и не нужен ключ. Есть другой способ.

Она быстро отерла слезы краешком покрывала и направилась к подоконнику. Неожиданно заскрипела замочная скважина.

Сердце забилося быстрее. Неужели он все-таки вернулся? Понял, что был не прав, уходя так резко и холодно.

Дверь отворилась, и на пороге показалась низенькая пухлая старушка. На морщинистом лице застыло выражение доброты и любопытства. Из-под опрятной косынки выглядывали пушистые седые волосы, которые сияли на свету.

Старушка подслеповато шурилась, рассматривая спальню. Увидев у окна Олеся, она радостно улыбнулась и вошла в комнату.

— Вот вы где, госпожа! А я уж было подумала, что перепутала чего со старости.

Голос он у нее оказался напевный, но на удивление громкий и бодрый. Таким сказки малышне рассказывать и залихватские народные песни петь.

Олеся неуверенно мялась у подоконника, не зная, что сказать. Переминаясь с ноги на ногу, как утка, старушка вошла

в спальню. Только сейчас Олеся увидела у нее в руках тяжеленный поднос, нагруженный всякой едой. А через локоть было перекинута платье и, судя по белой ткани, нижняя сорочка.

Олеся тут же подскочила к женщине и вырвала из ее рук поднос:

— Давайте помогу.

Та не ожидала подобной прыти. Остановилась, несколько раз забавно моргнула, приоткрыла наполовину беззубый рот и... всплеснула руками:

— Да что ж вы, госпожа?! Кто тут служанка: вы или я?

Олеся осмотрелась, ища, куда пристроить поднос, от которого исходили чудесные аппетитные ароматы. В животе тут же жадно заурчало, и она поняла, что краснеет.

— Вот я глупая гусыня! — Старушенция всплеснула руками. — Поставить-то некуда!

Олеся осторожно водрузила поднос на краешек кровати. С другой стороны женщина начала аккуратно раскладывать платье, нижнюю сорочку и чулки.

— Давайте вас оденем, госпожа, а потом я и завтраком накормлю. А то уж больно вы бледная. Да и худышка такая. Глаза вон на пол-лица. — Она взяла сорочку и встряхнула. — Идите-ка сюда.

Олеся с сомнением посмотрела на пожилую женщину и плотнее закуталась в сползшее покрывало.

— Пожалуй, я сама оденусь.

— Да где ж это видано, чтобы госпожа, да еще такая юная и красивая, сама одевалась? Нет уж, я хоть и стара, но свои обязанности знаю!

Загадочная старушка придирчиво разглядывала нижнюю сорочку.

— Разве ж эта ветошь убережет девичью честь? — Она покачала головой и двинулась к Олеся. — Давайте-ка, госпожа, поднимайте руки, надену на вас этот срам.

Олеся абсолютно не желала обнажаться перед старой ворчуньей. Она мягко высвободила ткань из натруженных дряблых рук, подхватила чулки и платье и двинулась в ванную.

Женщина снова забавно моргнула:

— Госпожа, куда ж это вы?!

— Сейчас вернусь!

Олеся захлопнула дверь, быстро скинула с себя покрывало и принялась одеваться. Старушенция так смешно причитала над сорочкой, что ей в голову пришла одна идея. Нужно было только договориться со швеей. И если к тому моменту, когда ее идея воплотится в жизнь, Габор все еще будет сердит... она сумеет заслужить его прощение.

Из обуви у нее были только сапоги, так что пришлось довольствоваться ими. А вот платье застегивалось сзади, и без помощи старушенции было не обойтись.

Олеся вышла из купальни, когда женщина суежилась над подносом. Выкладывала на красивую серебряную тарелку всевозможные яства.

— Вы не поможете? — Она повернулась к женщине спиной.

Та тотчас бросилась застегивать бесконечные крючки:

— Конечно, госпожа моя славная. Для того я и здесь.

Олеся не знала, принято ли здесь общаться со слугами, но молчать было глупо. Да и Габор позволил этой женщине сюда прийти. Значит, доверял.

Решившись, она спросила:

— А как вас звать?

— Петра я, госпожа.

— А я... Маргит. — Олеся едва не назвала свое настоящее имя. Спихватилась лишь в самый последний момент. И чтобы Петра не заметила заминки, поспешно добавила: — Рада с вами познакомиться, Петра.

— Ох вы ж, девочка моя... Ласковая какая...

Петра вышла из-за спины Олеси и ласково на нее посмотрела:

— Как же хорошо, что Морозный дед сделал нам всем такой подарок. Исцелил тебя, речь вернул. А ты вон какая оказалась... добрая... Да ты не бойся, господарь Габор уж все мне объяснил. Знаю я, что ты ничегошеньки не помнишь. Да это и не беда. Заново все узнаешь. Оно ж даже и лучше, когда в себе.

Олеся немного напряглась. Петра общалась не так, как другие слуги. Сбилась с почтительного «госпожа» на «девочка моя».